„Лит. Россия", 1972, 15 сент, №38

Вадим
КОЖЕВНИКОВ

В полдень на солнечной стороне

Ратный и трудовой подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период — содержание нового романа Вадима Кожевникова «В полдень на солнечной стороне».

Писатель создает типические образы советских воинов — солдат, командиров, политработников. В огне испытаний рождались новая тактика и стратегия Советской Армии, выполнившей свою великую гуманную миссию.

В публикуемом отрывке из первой части романа, который будет печататься в журнале «Молодая гвардия» в 1973 году, мы встречаемся с его главным героем Григорием Петуховым.

ПРОТИВНИК вел методическую орудийную пристрелку по нашему переднему краю, как бы только продумывая и размышляя, где потом будет целесообразнее сосредоточить массированный огонь из всех наличных стволов.

Петухов сидел у амбразуры дота и на слух определил калибры рвущихся снарядов и визуально возможное расположение огневых позиций противника, еще не обнаруженных разведкой.

Созерцая местность, Петухов соображал, где и как способнее будет по ней передвигаться для сближения с противником в рукопашном бою.

Хотя в учебнике тактики официально сказано: «Тактическая боевая обстановка никогда полностью не совпадает с прогнозированной. Поэтому командир должен выработать у себя готовность мгновенно реагировать на изменение обстановки», все-таки Петухов заранее мысленно неоднократно проводил бой на этой местности в том варианте, который он мечтал навязать противнику.

Именно мечтал, потому что эта человеческая способность — мечтать — отнюдь не желание пренебречь действительностью, а скорее проявление воли, ума, чтобы подчинить ее тем реальностям, которые надо открыть в ней и заставить действовать согласно твоему плану.

Существуют типовые варианты боя, которые каждый командир обязан знать твердо. Но бой есть бой. Он состоит из множества поединков. В ходе боя ум, воля командира и формируют из них новый вариант боя так, чтобы противник не успел разгадать, и в тот момент, когда этот вариант становится решающим для победы.

Петухов сидел у амбразуры дота, расстегнув пуговицы на воротнике гимнастерки, и жадно курил папиросы «Казбек», которые он обычно скупо берег для самых ответственных моментов своей фронтовой жизни. Он находился в том самозабвенном состоянии сосредоточенности, в какое впадает человек, всецело погруженный в высшую заботу своего ума, совести, долга. Он наблюдал за методическим прицельным огнем противника, и в сознании его складывалась картина возможного боя с теми подробностями тактики врага, которые он мысленно предвосхищал маневром своих огневых средств и другими приемами ведения боя.

Здесь же, на металлической катушке связиста, поставленной вертикально, сидел работник политотдела дивизии капитан Конюхов и, ссутулясь, засунув зябнущие руки в рукава шинели, читал записки какого-то немецкого ученого, путешественника в глубь Центральной Африки. Эту книгу он подобрал неделю назад в захваченной траншее противника.

Узкоплечий, тощий, с веснушчатым бледным лицом и слабым голосом, Конюхов производил вначале впечатление хилого и слабовольного человека. Когда вел политбеседы, он говорил почтительно, извиняющимся тоном, часто переспрашивал: «Вам понятно? Ну, очень рад!» Поясняя откровенно: «А то, знаете, я совершенно лишен дара оратора и до войны не имел лекционной практики».

Покашливая, близоруко сощурившись, будто вглядываясь в какую-то неведомую даль, он постепенно увлекался, говорил воодушевленно, страстно, вызывая у слушателей такое ощущение, будто каждый из них — некая историческая личность, которой суждено свершить исторический подвиг, а не просто, как это следовало из данной боевой задачи, овладеть ночью высотой 30,02 — лесистым безымянным холмом — и окопаться на ней.

Во время боя Конюхов уходил в атакующие подразделения и, следуя с цепью, оказывался вдруг там, где поединки с противником наиболее продвинувшихся бойцов решали исход атаки. И когда Конюхова упрекали за чрезмерный риск, он говорил:

— Личный пример в бою имеет исключительно большое значение. — И смущенно пояснял: — Не мой, конечно, а тех солдат, подвиг которых я обязан изложить в политдонесении, а также для распространения в боевых листках.

И когда он рассказывал на политбеседах об этих подвигах, сами участники боя вдруг узнавали о себе неожиданное — такое высокое и значительное, о чем даже не подозревали и что им казалось сейчас малоправдоподобным, ибо в бою человек находится в таком состоянии самоотречения, напряженности, при котором память бессильна сохранить все иное, кроме ощущения ожесточенного самозабвения.

И как бы Конюхов ни был замучен физически, утомлен, обессилен длительным и тяжелым ходом боя, он никогда не утрачивал пытливой внимательности к людям и с обычной своей деликатностью находил бодрящее слово для тех, кто утрачивал бодрость.

Вместе с тем Конюхов проявлял непримиримую непреклонность, когда недостатки в организации боя были вызваны командирской робостью, проявившейся в покорности к шаблонным приемам ведения боя.

— Это разновидность трусости, — утверждал Конюхов и горячо произносил: — Еще Фрунзе указывал: раз мы готовим армию к решающей борьбе с крупным и серьезным противником, мы должны иметь во главе наших частей людей, обладающих достаточной самостоятельностью, твердостью, инициативностью и ответственностью. — И добавлял от себя: — Отсутствие же инициативы — это и есть скрытая безответственность...

Не столь давно Петухов установил для себя такое правило: получив боевой приказ от комбата Пугачева, он сначала шел на позиции, где проверял боеготовность подразделений, и только после этого знакомил подчиненных офицеров с приказом, указывая им на то, что не соответствовало новому приказу и что должно быть немедленно устранено в соответствии с приказом.

Конечно, при этом Петухов выглядел перед подчиненными очень дальновидным, проницательным командиром.

Такой метод Петухов усвоил от комбата Пугачева, который не однажды распекал Петухова за отсутствие в его роте той готовности, которая должна соответствовать только что полученному боевому приказу, содержание которого Пугачев оглашал после того, как устраивал офицерам взбучку.

Пугачев имел репутацию храбреца. Если он видел с командного пункта, что рота победно овладевает траншеями противника, он оставлял командный пункт, перебежками устремлялся вместе со связистом к траншеям противника и самолично по полевому телефону докладывал наверх о том, что он в данный момент сам находится уже в траншеях противника. Правда, при этом наступающие подразделения утрачивали временно управление боем со стороны своего комбата и это иногда имело и дурные последствия, но зато Пугачева, при всех обстоятельствах, никто бы не посмел упрекнуть в отсутствии отваги. Именно это качество Пугачева — храбрость — пленяло Петухова, и он стремился подражать ему во всем остальном.

Петухов не знал, что Пугачев был разжалован на батальон с поста начальника вещевого снабжения дивизии за то, что, оказавшись случайно на батарее, приказал командиру значительно ниже его по званию немедля открыть огонь по фашистским автоматчикам в то время, когда батарея была поставлена в засаду и должна была открыть огонь только против механизированных частей противника, с исходных позиций двинувшихся в атаку.

Поскольку Пугачев хотел личной храбростью искупить свою вину только перед начальством, он не был озабочен авторитетом своих подчиненных командиров. Принижая их, он как бы возвышал себя над ними.

Сначала распекал командиров едко и высокомерно и только потом оглашал приказ высшего начальника, но так, будто этот приказ исходил не из высшего штаба, а от него лично и вызван только тем, чтобы указать подчиненным на их несоответствие должности и званию.

Получив от комбата вздрючкой, огорченный этой вздрючкой, Петухов одновременно испытывал к своему командиру уважение от той зоркости, с которой Пугачев подметил в его подразделении все то, что еще полностью не отвечало осуществлению поставленной в приказе задачи.

Петухов шел в роту, озабоченный тем, чтобы выполнить указания комбата, и в таком состоянии ума, при котором подготовку к решению боевой задачи он рассматривал только как устранение указанных недочетов, уже не помышляя о том, чтобы внести что-либо от себя в осуществление задачи.

Чтобы одерживать победу с наименьшими потерями, нужны личная инициатива командира, воодушевленность, продуманная им самим организация боя во всех возможных вариантах и вера в свою способность предвидения.

Но, испытав на себе тактику Пугачева, Петухов стал и сам ее применять, взваливая унылую тяжесть упреков Пугачева с себя на своих подчиненных, но зато в лице их он выигрывал в своем командирском авторитете, каждый раз теряя его у Пугачева.

Вообще-то Пугачев был на редкость привлекательным человеком: высокорослый, плечистый, крупноголовый, с буйными русыми волосами, падающими прядями на выпуклый лоб, с открытым, приятным лицом. Он подкупал простодушной манерой обращения и даже беззастенчивой откровенностью, с которой он говорил:

— А что? Я ордена люблю!

Хохотал заразительно весело, по-детски, доверительно подмигивая:

— Я мужичок тщеславный, не скрываю.

Но вместе с тем ему была присуща и яростная лихость. Так, выхватив у бойца противотанковое ружье, Пугачев вскочил на «виллис» и помчался по открытой местности, заметив, что немецкий тягач пытается уволочь подорванный в минувших боях танк в свое расположение. Пугачев подбил тягач и, вернувшись, произнес раздраженно:

— Сперли бы трофей, а потом доказывай, за что наградной лист подписал. Эх вы, растяпы!

Кстати, он не только сам любил получать награды, но, пожалуй, не меньше испытывал сладостное удовольствие, представляя к награде других.

Он не терпел, когда другие старшие командиры делали замечание за какие-либо упущения не только офицерам его подразделения, но даже солдатам. С тупым упорством он не соглашался в правомерности таких замечаний, если даже они были обоснованными. И пресечь его препирание не могли даже серьезные взыскания.

Как-то командир дивизии, наложив на него взыскание, сказал со вздохом:

— Я понимаю, голубчик, вам кажется неприемлемым со стороны чисто военной этики, что в вашем присутствии делаются замечания вашему подчиненному, вместо того чтобы поручить вам самому сделать такое замечание. Но ваша несдержанность при этом переходит все границы.

Пугачев небрежно козырнул, словно смахнув с лица докучливую муху, и произнес вызывающе:

— Благодарю за внимание!

И, высоко вздымая ноги, как бы пародируя парадный шаг, вышел.

Комдив вернул Пугачева и, молча показав подписанный наградной лист, порывисто разорвал.

Пугачев вытянулся и произнес четко:

— Осмелюсь доложить, товарищ генерал, я еще легко отделался. — И, подмигнув, сообщил заговорщически: — Могли бы за подобное и звездочки с погон сковырнуть в назидание.

И весело уставился на генерала светлыми, как у барана, но все-таки красивыми, с живым блеском глазами.

С солдатами Пугачев держал себя с этакой милостивой снисходительностью, а если о чем спрашивал, то с таким выражением, будто наперед знал, что ему ответят, и сам же подсказывал нечто бравое, ничего не значащее, и тут же хвалил бойца за бравый настрой.

Он раздражался, когда солдаты обращались к нему с просьбами, и при этом лицо его принимало высокомерное, брюзгливое, недоверчивое выражение.

Но не было жестче и беспощаднее командира, который не прощал и требовал самых суровых мер наказания, если пищевой рацион солдат был неудовлетворителен, махорку приносили сырую, смена выстиранного нижнего белья или портянок запаздывала. Словом, при малейшем нарушении солдатского довольствия он приходил в такое неистовство, что, случалось, у него шла кровь носом, так он кричал в трубку полевого телефона, требуя виновного предать трибуналу.

Но был отходчив, если виноватый каялся, и чем унизительней каялся, тем скорей Пугачев прощал его.

До войны Пугачев занимал пост заместителя начальника снабжения одной из крупных геологоразведочных экспедиций на Крайнем Севере. Но в конторе бывал редко, кочуя с геологоразведочными партиями, где он с удовольствием брался за любую работу, лишь бы не сидеть в конторе. Его любили за общительность, беспечность, отвагу и всегдашнюю готовность к риску, поэтому прощали существенные недостатки как по линии его прямой должности, так и за некоторые изъяны в характере, вздорную вспыльчивость и попытки командовать другими без всякого на то основания.

В первый год войны, будучи командиром расчета 45-миллиметрового орудия, он принял бой на железнодорожном переезде с танками противника. Танки без риска порвать гусеницы на железнодорожных рельсах не могли обойти батарею с флангов и вынуждены были атаковать ее в лоб на самом переезде.

После трех суток боя Пугачев с оставшимся полуживым подносчиком продолжал вести огонь; черный от копоти, угоревший от порохового газа, оглохший, бешеный в своей ненависти, в рваном окровавленном обмундировании, он пришел в такое исступленное состояние, что, когда подошли свои танки и открыли по танкам противника огонь и командир танковой части, выйдя из танка, бросился к Пугачеву, чтобы обнять, Пугачев крикнул на него злобно и сипло:

— Чего надо? Подавай!..

И кивнул на разбитый зарядный ящик, у которого сидел на корточках обессиленный подносчик с вытекшими от ударной волны глазами и держал на согнутой руке снаряд, как грудного младенца.

После госпиталя и высокого ордена Пугачева в соответствии с его прежней мирной должностью назначили начальником вещснабжения, что он расценил как личное оскорбление и был вполне удовлетворен, когда после уже иного характера эпизода на батарее его снизили на батальон.

К Петухову Пугачев относился снисходительно.

— Ты уже ротой командуешь, но воюешь, как бухгалтер.

— Почему — как бухгалтер? — спрашивал Петухов.

— А потому, — резко говорил Пугачев. — Я тебе приказываю: доложишь, как выполнили задачу! А ты вякаешь: «Семенов ранен, у станкового кожух пробит и еще какие-то повреждения... У санинструктора кончились ампулы с противостолбнячной жидкостью». Разве так докладывают?

— Я же вам сказал: на указанный рубеж вышли.

— Значит, первое — задачу выполнил! Второе — потери противника? Трофеи? А ты о чем лепетал?

— Не лепетал, а требовал Семенова в санбат отправить, новый кожух на пулемет получить или хотя бы оружейного мастера, и ребята легкораненые могут микроб столбнячный себе занести, вот что мне тогда главное было.

— Не бухгалтер, а даже счетовод! — презрительно сказал Пугачев. — Да ты на меня глазами не скалься. Воевал хорошо, знаю. Но пойми простое и ясное, как день. Ты мне докладываешь — уничтожено столько-то противника, трофейное оружие такое-то, боеприпасы... Я докладываю в полк, полк — в дивизию. А дальше что? Дальше команда: наградить! Отметить! Объявить! Честь не только тебе — всему батальону, полку и так далее. Ну, понял?!

— Понял, — равнодушно согласился Петухов и спросил: — Значит, Семенова представите?

— Ты случайно не из пионервожатых? — осведомился Пугачев.

— Нет, а что?

— Уж очень шибко идеально идейный. А ведь люди, которые сейчас воюют, они же те самые, что до войны жили, и на войне со всякой всячинкой, как и до войны.

— Неправда, — сказал Петухов. — На войне человек становится лучше, чем он был.

— Или хуже? — сощурился Пугачев.

— Значит, раньше такой только скрывал в себе плохое, а на войне плохое не скроешь. Человек тут перед всеми наружу.

— Скажи, пожалуйста, как глубоко копает! — Пугачев задумался. — Хотя, может, и так. А про меня что скажешь?

— Вам хорошее про себя надо знать или плохое?

— Если ты такой принципиальный, валяй про плохое.

— А можно?

— Приказываю!

— Знаете, товарищ комбат, вами бойцы восхищаются, но почему-то не очень любят.

— А я не девица, не барышня. — Но мощная шея Пугачева побагровела, он нетерпеливо произнес: — Подлаживаться, искать себе симпатии поблажками не собираюсь.

Вы очень храбрый, и бойцы знают, вы храбрый, но, когда вы только это перед ними подчеркиваете, получается вроде того, что вы считаете их недостаточно храбрыми, а это неправда, и поэтому обидно.

— Постой-постой, как ты сказал?

Выслушав снова Петухова, Пугачев произнес протяжно:

— Интересно получается. За то, что командир смелый, они обижаются, будто им в упрек за несмелость. Так, что ли?

— Смелость хорошо. Смелость бывает и в том, чтобы не побояться людям показать, что вы боитесь, как и всякий человек, зря, без пользы погибнуть, что жизнью дорожить надо, своей и, значит, бойцовской. Тогда люди такому командиру больше, чем себе, верят и не боятся погибнуть, выполняя его приказ, — горячо говорил Петухов.

— Ну и ну!.. Стихов не пишешь? Да ты не спи так, будто противника обнаружил в поле своего зрения. — Пугачев тряхнул блестящими волнистыми русыми волосами, объявил: — Может, и правда, я таким скоростным способом хотел себе геройский авторитет сразу схлопотать. Ну и, кроме того, люблю среди всех хоть чем-нибудь, да выделиться. Бой смелых любит. А я бой люблю. — Произнес задумчиво: — Конечно, мне бы лучше в авиацию истребителем — вот тут бы я себя показал.

— Могу быть свободным? — спросил Петухов.

Пугачев положил на плечо Петухова тяжелую сильную руку и, приблизив свое красивое горячее лицо с блестящими глазами, сказал задушевно:

— А знаешь, что меня жжет? Семья моя в погребе погибла во время бомбежки Смоленска. Всех землей завалило — насмерть. — Вздохнул: — Так что я не всегда, как ты, считаешь, только себя выказываю, а вроде для отдыха души хочу собственноручно, хоть иногда, да фашиста коснуться... — Помолчал, добавил, хитро подмигнув: — Ну, и хочу, верно, не батальоном командовать, а полком или, может, даже дивизией. На такую командную должность выдвинуться, чтобы полновесней по ним бить за все. Отсюда, если ты заметил, и мои выходки. — Передразнил сам себя: — Комбат Пугачев докладывает! Нахожусь в траншее противника, продолжаю разивать успех. — Пробасил, усмехаясь: — Храбрый командир! А все на батальоне? Почему не в полку? Вызвать начштаба, отдать приказ!

— Знаете, — сказал Петухов. — Вы все-таки притворяетесь. Вы все-таки лучше, чем сейчас себя таким показываете.

— А может, и хуже, — сказал Пугачев и, похлопав Петухова по спине, не то одобрительно, не то снисходительно приказал: — Вы свободны!

Конечно, Пугачев был прав, когда указал Петухову на то, что у него в роте увидал солдат, у которых в ушах торчит вата — нарушение воинского вида, стариковская манера пихать в уши вату.

Но ведь эти солдаты с ватой в ушах — пэтээровцы, а, как известно, при стрельбе из противотанкового ружья происходит чрезвычайно громкий выстрел, и люди ватой берегут себе слух.

Конечно, нехорошо, что у многих бойцов под широкими воротниками шинелей намотаны чистые бумазейные портянки. Это не по форме. Но когда противник все эти дни вел артиллерийский огонь по переднему краю, бойцы, сидящие в окопах, таким способом охранялись, чтобы земля, забрасываемая разрывами снарядов, не попадала за воротник, на шею и потом на тело — ведь одной фляжкой воды не отмоешься.

И то, что у солдат появилась привычка держать винтовки, автоматы под накинутыми плащ-палатками, — вовсе не потому, что они отвыкли носить оружие, как положено, а опять же потому, чтобы уберечь оружие от пыли и грязи, забрасываемой в траншеи рвущимися снарядами и минами. Конечно, также неправильно, что бойцы носят запалы гранат в нагрудных карманах гимнастерок, плотно завернув запалы в промасленную бумагу. Но в окопах сырость, даже махорка становится влажной, не раскуришь, вот они и боятся, чтобы запалы не отсырели.

Приказано было: огневые позиции станковых пулеметов маскировать под местность — ветками. А расчеты накрыли пулеметы плащ-палатками. Почему? Да все потому же — дожди. А вымокшие ленты чаще всего заедает.

Нет приставных лесенок у стен траншей в полный профиль, чтобы по этим лесенкам выходить на атаку. «Не думаешь о наступательном бое!» — упрекнул Пугачев. Но они есть, эти лесенки, наготовили их достаточно, только уложили их пока на дно траншей, чтобы ноги не вязли в размягченном от дождя грунте. Был бы приказ наступать, мгновенно лестницы прислонили бы к стене траншеи.

А он? Окопались, как кроты! Не траншеи — канавы! Обидно. Сухие ноги бойца — это тоже хорошее подсобное средство для атаки.

После того как Конюхов побывал в подразделениях батальона, а потом слушал, как браво распекает Пугачев командиров рот и взводов, он после совещания пошел вместе с Петуховым. Покашливая и зябко поеживаясь в сырой шинели, Конюхов говорил:

— Мне кажется, мы недооцениваем качественный военно-профессиональный фронтовой опыт сержантского и старшинского состава. Сейчас не сорок первый и не сорок второй год. Многие указания, которые вы, например, давали в подразделениях, должны были исходить не от вас — командира роты, и даже не от командира взвода, а от старшинского и сержантского состава.

— Но мне же Пугачев указал — лично за упущение! — оправдывался Петухов. — Ну я лично и должен выполнить его приказ.

— Приказ старшего командира вы обязаны выполнить, но как? Это дело вашей личной инициативы. Ведь ничто так не снижает активности служебного рвения командира, как излишняя опека, как недоверие к его знаниям, опыту, возможностям. Если надо дать коррективные указания, умный, опытный руководитель сделает это тактично, не обескураживая подчиненного, не ущемляя его самолюбия и достоинства, и, указывая, он дает ему возможность дальше действовать самостоятельно, в пределах предоставленных ему прав и власти. Инициативный командир при этом будет искать и использовать все силы и возможности, новые приемы и средства, обеспечивающие наилучшее выполнение поставленной задачи.

Конюхов говорил страстно, а сам ежился, сутулился, будто обвиняя в чем-то самого себя.

— Сама жизнь, развитие военного дела требуют всемерно совершенствовать инициативу и самостоятельность офицеров. А вот вы, товарищ лейтенант, когда мы с вами обходили позиции, давали указание на уровне сержанта, старшины, взводного, но не командира роты. — Произнес извиняющимся тоном: — Может, на многих солдат ваш фронтовой опыт и произвел хорошее впечатление, но не на подчиненных вам командиров. Одним вы внушили, что и без них доглядите любое упущение, а для других это было равнозначно недоверию. Вы поймите, если наша армия ныне овладела стратегической инициативой, то это означает также и то, что во всех подразделениях армии стоят уже опытные командиры, способные проявлять личную инициативу, и могут уверенно действовать в любой обстановке. Те же, кто имеет изъяны, как профессиональные, моральные, психологические, те неизбежно следуют шаблону, их военное мышление сковано, лишено творческого дерзания, и, значит, они не соответствуют общему уровню, достигнутому нашей армией в ходе войны, и, конечно, идейному, духовному качеству нашего солдата. — Заявил гневно: — Кто не поймет этих глубоких качественных изменений в армии, тот, хоть и на фронте, — уже не воин.

Петухов даже с воодушевлением готов был признать правоту слов Конюхова, но тревожило то, что слова Конюхова, метко падающие на Петухова, как бы рикошетом били и по Пугачеву.

И, словно угадывая, отчего в замешательстве Петухов, Конюхов заметил:

— Комбат Пугачев — яркая личность, и такие, как он, внушают к себе, я бы не сказал, симпатию, скорее подчинение, что ли, недюжинной его натуре. Но, мне думается, подлинный руководитель — это человек, способный смело вызвать у других лучшее, а не самому затмевать их своим превосходством, даже если для этого понадобится особая смелость — не выявлять своего превосходства. Пока на это нет особых причин.

Сказал задумчиво:

— В сущности, если рассмотреть армию сверху донизу, она вся состоит из руководителей разного ранга и достоинств... — Твердо заметил: — Кто сам трудится ответственно, организованно, напористо, проявляет самостоятельность, инициативу, тот быстрее воспитывает этн качества и у подчиненных. Это лежит в основе жизнедеятельности нашего народа, это же воплощено и в армейской жизни.

— А как же подвиг, героизм?! — воскликнул Петухов.

Конюхов улыбнулся застенчиво и сказал:

— Вот то, что люди армии в нечеловеческих условиях войны продолжали воспитывать в себе и в других эти высокие, всесильные человеческие качества, воплощая их в военное дело, — это подвиг. Героизм — сформировавшееся мировоззрение народа, всем его историческим опытом, если хотите — идеология. Путем всенародного подвига — достижение высшей исторической цели, во имя всех людей.

— Ну, не все же герои.

— Способность к героизму заложена в человеке, нужно только отыскивать пути к раскрытию этой способности. Ключ к этому — сила примера. А он выкован из металла идейной убежденности наших людей, их единомыслия в главном. — Конюхов усмехнулся и спросил: — Вот вы знаете, что послужило причиной ненападения на нас в свое время крупных империалистических держав, готовившихся напасть? Челюскинская эпопея! Тот героизм, который проявили тогда наши люди самых негероических профессий. Разведки генеральных штабов этих держав — на основе анализа челюскинской эпопеи — дали заключение о том, что наш народ сплочен и способен к массовому героизму. То есть расценили это как массовую духовную боеготовность советского народа. Что так высоко подтвердилось вот в этой войне с фашистской Германией.

— Здорово! — сказал Петухов. — А мы бегали на реку в ледоход, играли в челюскинцев...

— Вот видите, — сказал Конюхов. — Это было тогда вашей потребностью в героизме. А теперь для вас это осознанная необходимость.

И сейчас, сидя у амбразуры дота, прислушиваясь к взрывам падающих снарядов и просматривая местность, Петухов соображал, как будут складываться все моменты боя.

Рис. В. БОРИСОВА

Все эти дни шли дожди, и не исключено, что на танкодоступных полосах почва размокнет и немецкие танки будут вязнуть, буксовать, терять атакующую скорость. Надо бы разведать состояние почвы, и, если его предположение подтвердится, следует перенести часть противотанковых мин на более возвышенные места, по каким могут теперь ринуться танки, если головные машины застрянут. Тем более что заминированные участки легче обнаружить. Ливнем размыло места, где закопаны мины. Поэтому надо их заново подмаскировать.

Судя по низко нависшим тучам, дожди будут лить еще долго. В тумане и дожде видимость снизится, некоторые ориентиры будут скрыты. Надо их тоже подновить. И, может быть, следует дальше выдвинуть огневые позиции противотанковых орудий и пэтээровцев... Кстати, в связи с тем, что грунт стал мягким, снаряды при падении будут зарываться в землю и дистанция поражающего действия осколков будет меньшей. Это тоже следует учесть, если придется атаковать вслед за огневым валом, значит, можно ближе прижиматься к нему.

Дать указание, чтобы сушилки были в полной готовности: обмундирование солдат промокнет насквозь, когда они будут передвигаться под огнем по-пластунски.

Раньше при такой низкой видимости бойцы радовались, что немец не будет бомбить с воздуха, штурмовать «мессерами». Но теперь они привыкли к сопровождению в бою «Илами». Значит, в компенсацию за пустое небесное пространство надо испросить поддержки огнем дивизионных средств.

Машинально, как бы в поисках еще какого-нибудь совета, Петухов оглянулся на Конюхова.

Тот поднял от книги голову, виновато улыбнулся, протер очки, произнес как будто спросонок:

— Африка, жарища, песок и, представьте, многомесячные ливни весь зимний период, и потом снова зной, испепеляющий посевы. Го-

лод, страдания, на местах высохших водоемов дохнут звери, умирают люди. То изобилие воды, то засуха...

Петухов сказал мрачно:

— Согласно устава, пехота способна успешно вести бой в самых разнообразных условиях местности, погоды, в любое время года и суток. А знаете, о чем я сейчас мечтаю? Посадить бы мне свою роту десантом на танки. Сухими к ним в траншеи ворвались бы и дали бы там духу. А то, когда боец мокрый, как утопленник, у него настроение падает. — И вдруг, оживившись, попросил Конюхова: — Товарищ капитан, может, провели бы беседы о челюскинцах. Сейчас в самый раз, для подъема идейного духа.

— Вы так думаете? — спросил Конюхов.

— А как же, — сказал Петухов. — Там же только гражданские были, а смотрите, как себя выявили.

— Я хотел огласить письма, полученные бойцами из тыла, с их разрешения сделал выписки, — сказал Конюхов. И произнес с благоговением: — Сейчас, если можно так выразиться, промышленность, сельское хозяйство в руках женщин, подростков. И все, чем мы воюем, их героизмом произведено.

— Правильно, — согласился Петухов. — Значит, не вы будете солдатам перед боем все разъяснять, за что воюем, а сами их жены, дети. Это сильно получится, в самое сердце.

— Знаете, — сказал Конюхов, — война нас выучила такой любви к ним всем, которую человечество никогда не знало. Такой высокой, чистой, беспредельной.

— А как же, — сказал Петухов рассеянно, вспомнив в этот момент о том, что у него тоже есть письмо от матери, которая работает теперь в мартеновском цехе печником и ходит на работу в отцовской стеганке, толсто подшитых валенках и работает в огненной пещере печи в тлеющих валенках и, выскакивая из зева ремонтируемой печи, так же, как отец, охлопывает себя брезентовыми рукавицами, чтобы погасить затлевший ватник. А сестра — на шлаковой канаве у мартеновской печи...

— Так я ухожу, — сказал Конюхов.

— Здравия желаю, — сказал невпопад Петухов, думая о сестре, о матери, о которых до этого он сейчас не думал, и совестясь, что мало о них думал...

Ливень колыхался, тяжко шлепался на землю, разбиваясь в водяную пыль, дымясь этой водяной пылью. Ориентиры, выбранные Петуховым для огневых рубежей, еле виделись, словно погруженные на дно водоема. *Холодная вонь* сырости проникала сюда, как от застойного, непроточного, покрытого зеленой ряской озера.

Мимо дота саперы торжественно пронесли на носилках извлеченный неразорвавшийся крупнокалиберный снаряд. Несли, словно раненого или покойника, шагая в ногу, как это положено санитарам.

Хотя среди молодых солдат и командиров ходили разговоры о том, что от длительного ношения стальной каски волос редеет и лезет, а Петухов в последнее время стал задумываться о своей внешности, все же каску он носил всегда для примера подчиненным. Только для отдыха он снял ее, сидя в доте, и, вспомнив, почему снял, конфузливо снова надел и даже пристегнул брезентовый ремешок под подбородком, как положено. И он подумал, что сейчас, когда он пойдет в роту, каска будет служить защитой и от дождя.

Петухов мысленно, напряженно собирал в порядок распоряжения, которые он хотел отдать в роте. Но тут же поймал себя на том, что пренебрег тем, с чем только что согласился с Конюховым, и будет правильнее, сильнее, если он сначала осведомится у командиров, какие соображения возникли у них в связи с обстановкой, прикинет свои соображения с их соображениями и только тогда даст приказания, которые будут не только его собственным приказом, а как бы составленным советом всех командиров в его роте.

И, улыбнувшись самому себе, как бы одобрив самого себя, Петухов склонился, чтобы поднять с пола дота банку из-под консервов, в которую он сбрасывал пепел и кидал окурки. В боевом помещении, на огневой позиции, Петухов требовал от всех соблюдения уважительной чистоты. Но, как только он нагнулся, внезапно все под ним разверзлось в огненном реве, грохоте, и он ощутил падение, словно в пропасть, стены которой рушились ему вслед, придавливая своей скалистой тяжестью...

От попадания снаряда перекрытия дота рухнули вместе с насыпанной поверх перекрытия толщей глиняного грунта, выложенного дерном и высаженным кустарником и двумя хилыми березками.

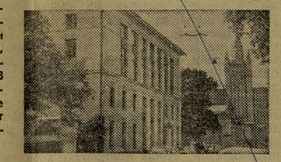
А по всей линии позиции началась артиллерийская канонада, не то предшествующая наступлению противника, не то вызванная с нашей стороны желанием выявить огневые средства противника.

Вечером в ЦДЛ

А. СМИРНОВ-ЧЕРКЕЗОВ

КАЖДЫЙ ЧЕТВЕРТЫЙ ЧЕТВЕРГ...

Скоро откроет свой очередной, 39-й сезон Центральный Дом литераторов имени А. А. Фадеева. Как всегда, он сулит писателям много интересного, познавательного. В том числе — участие в различных семинарах. О работе одного из них рассказывает сегодня Александр Смирнов-Черкезов.



ВРЯД ЛИ можно стать писателем, художником, если нет у тебя пылкого воображения, обостренной интуиции, склонности безудержно фантазировать, если, будучи уже седым или лысым, ты не способен посмотреть на мир глазами ребенка, вновь и вновь открывать и объяснять его себе и людям.

А как с ученым?

— Есть глубокое внутреннее сходство между научной деятельностью и литературно-художественным творчеством, — говорил академик Я. Б. Зельдович на одном из семинаров. — Приведу некоторые параллели, Говорят, писатель—это тот, кто не может не писать. С ученым происходит нечто подобное. В какой-то момент возникает потребность что-то рассмотреть, исследовать, потребность непреодолимая, и тогда бросаешь все дела, как бы важны они ни были. Или вот еще... Меня всегда очень занимало, как герои, созданные воображением писателя, начинают управлять им самим. Он бы хотел, чтобы его героиня благополучно вышла замуж, для этого и хорошего человека ей подобрал, а она без венца вешается на шею негодяю... Так бывает и с ученым. Развитие событий в начатом исследовании, логика создаваемой ученым теории часто приводят его к результатам неожиданным, казавшимся вначале абсолютно неправдоподобными. Дирак в двадцатых годах начал разрабатывать теорию вращения электрона, как магнитика, а когда завершил ее, понял, что в этом неизбежно должен быть еще один магнитик, с другим зарядом. Так был открыт позитрон. Подобным примерам несть числа... Еще одна параллель. У нас в науке популярны такие понятия, как красивая формула, стройная теория. Казалось бы, «красивая», «стройная», — эстетические категории, но, как правило, именно такие формулы и теории оказываются верными. Что-то в этом напоминает мне стихотворение. Если ритм у него чеканный и рифмы хороши, то оно не только легко запоминается, но и глубже по мысли.

В Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева в сотый раз писатели встречались с учеными. Так что это был в некотором роде юбилейный научный семинар. О нем расскажу позже, а пока приведу выдержку из выступления доктора философских наук В. Н. Шубкина, одного из ведущих наших социологов.

— Социология—эта прекрасная область знания — писателям, вероятно, ближе всех других наук. В последние годы литераторы все чаще обращаются к ней, иногда и сами включаются в исследования, а писатель Д. Л. Константиновский, например, защитил диссертацию по социологии. Это потому, надо полагать, что социология в чем-то сродни искусству. В ней нет строгих единиц измерения, как, например, в физике, и пока еще многое зависит от чувства меры у исследователя, от его такта, его душевной тонкости. А настоящий художник всегда обладает такими качествами... Одновременно я хотел бы сказать и о грустных фактах вторжения в социологию... Немало можно привести примеров, когда люди, не обладающие необходимым научным потенциалом, смело хватаются за решение всевозможных социальных проблем. В качестве универсальной отмычки ко всем проблемам они обычно применяют анкеты, в наивной уверенности, будто составить анкету и обработать, обобщить полученную информацию — дело вовсе нехитрое. Ретивые анкетоманы подчас нарушают и основной принцип социологического исследования — полную добровольность заполнения анкеты. Они назойливо уговаривают вас ответить на все вопросы анкеты, бесцеремонно апеллируют к вашей гражданской совести. Такое давление приводит к искажению информации, но это полбеды, значительно хуже, что нарушается суверенность личности. Я просил бы вас иметь это в виду, когда, в своем стремлении познакомиться не только с социологией, но и с социологами, вы столкнетесь с такого рода доморощенными исследователями и их «трудами».

На семинаре много интересного и важного рассказали доктора наук А. А. Нейфах и Н. Е. Кобринский. Но из выступлений ученых я выбрал лишь те их слова, которые непосредственно относятся к моей теме.

Писателя иногда называют учителем жизни. Я думаю, что такое определение, — если слово «писатель» нуждается в определении, — самое верное из всех. Меня писатель учил самому главному, самому ценному — учил жить. Гений писателя стократно приумножил мой жизненный опыт. Я был графом и безлошадным крестьянином, был влюбленной девушкой и старой бабушкой, был бродягой, картежным игроком, сумасшедшим, убийцей, был даже лошадью и собакой. Много раз рождался и умирал, жил в Древней Элладе и в гитлеровской Германии, побывал в аду и в раю, сражался с Наполеоном и ветряными мельницами. Я испытал все искушения и страсти, поднимался на вершину человеческого духа и низко падал.

Каждый день я живу своей и чьей-то еще жизнью и низко кланяюсь писателю, когда эта чужая жизнь становится моей. Увы, так бывает не всегда, и всегда бывает не так, если писатель пишет о том, что знает плохо или не знает вовсе. Нет, если он жил в восемнадцатом веке и не имеет представления о строении атома, я не в претензии, но нашему современнику этого не прощу. Когда он выводит в романе ученого-физика, ничего не ведая о последних достижениях науки, такой роман дочитывать до конца я не стану.

Вот и войдите теперь, читатель, в положение писателя, пишущего на современные темы, особенно очерка. Для него слово «современность» означает сегодня, только сегодня. Пишет он главным образом о людях труда и должен знать их труд. О деятелях, тонкостях профессии и реши быть не может, хотя бы знать самую суть того, о чем его читатель знает все.

Положение писателя-очеркиста, да и беллетриста, в общем, тоже трудное. Из него есть только один выход — учиться. И учитель жизни учится.

Следит за наукой, из года в год возвращается к каждой из основных ее дисциплин, чтобы услышать о новом, только что открытом, чтобы уловить главную тенденцию в развитии научной мысли.

Учится в публичных библиотеках и в своей собственной, на заводе у рабочего, часами простаивая у его станка, у агронома в поле, за пультом диспетчерского управления на стройке, роется в архивах и в запасниках музеев, пробивается на симпозиумы и конференции ученых, учится, наконец, на семинарах в своем Доме.

В Центральном Доме литераторов можно не только встретиться с товарищами по жанру и обсудить с ними общие дела или, наоборот, отвлечься от всяких дел за шахматами, за бильярдным столом, в кинозале, но и набраться ума-разума на семинаре.

В зимний сезон в Доме литераторов работает шесть семинаров: международной жизни, экономики и права, военный и военного искусства, философский, истории и современности, научный.

Научному семинару двенадцать лет. Нечто в этом роде было и в прежние годы, но такой систематической и планомерной работы, такого умения пригласить наиболее интересных, широкомыслящих ученых не было. Сто встреч с учеными, с 42 академиками и членами-корреспондентами, с 62 докторами, с 86 кандидатами наук, с некоторыми из них по нескольку раз. И мало кто из них не оставил следа своей индивидуальности в памяти литераторов. Это потому, что на семинаре они не просто делятся знаниями — какой уж тут дележ! — делятся и незнанием, непониманием чего-то, сомнениями; не лекцию читают, а размышляют вслух, в надежде найти отклик своим мыслям в умах и сердцах людей, чью профессию они уважают не меньше своей собственной. Ведь они тоже всю жизнь учились и учатся у писателей. Эйнштейн, например, утверждал, что один писатель сыграл большую роль даже в его открытии. То был Достоевский.

С осени каждый четвертый четверг в небольшом и уютном зале Дома литераторов работает научный семинар. Посредн за длинным столом — председательствующий, приглашенные ученые, обычно двое-трое, редко один, и несколько слушателей, то ли больших энтузиастов сегодняшней темы, то ли просто тугих на ухо. Вокруг, нарушив ряды стульев, остальные — человек пятьдесят — сто, в большинстве мы, очеркисты. Доходит и до двухсот, многие тогда стоят, сесть негде, и стоят часа по два. Так бывало всегда, когда приходил покойный академик И. Е. Тамм, не только очень большой ученый, но и чудо-популяризатор, обладавший умением ввести в русло глубоких идей физики даже дилетанта. Или когда приходит академик А. Н. Колмогоров, вероятно, первый в мире математик, способный увлечься своими мыслями так, что забывает о нас. В таких случаях председатель шутливым замечанием пытается заставить его опустить возведенные к потолку глаза и напоминает о том, что мы сидим на стульях, а не на люстрах. Иногда председателю это удается, иногда нет.

Вообще, роль ведущего семинар сложна, а порой и щекотлива. Недомыслие темперамента не занимать стать. Нужно внимательно следить, чтобы кто-нибудь из отчаянных говорунов под видом вопроса не разразился получасовой речью, а говоруны тут все. Быть на страже, чтобы кос-кто, как обычно, не задал глупого вопроса, а если все-таки задал, то так этот вопрос повернуть, чтобы ученый смог на него ответить. Но, конечно, главная опасность — забияки. Того и гляди кто-нибудь из них ринется в словесную перепалку с гостем и создаст конфузную, а то и конфликтную ситуацию. Но наш бессменный председатель хорошо владеет приемами самообороны и, как опытный самбист, ловко даст вам подножку или мгновенно вывернет руку. Разумеется, все очень-очень интеллигентно. Это Данин. Данин. Представлять его, очевидно, не нужно, он достаточно известен своими трудами в жанре научно-художественного, точнее, физико-художественного очерка.

А вот труды, немалые труды второго организатора, не только научного, но и остальных пяти семинаров, известны одним литераторам. Все московские писатели знают Р. Я. Головину, и она знает всех. Еще бы! Двадцать семь лет работы в Доме литераторов!

С шести часов вечера она уже стоит в вестибюле, встречает приглашенных ею ученых и ею же оповещенных писателей.

— Ровно в семь начинаем, Александр Иванович. Надеюсь, вы будете?

— Да, да, конечно.

— Только не заходите, пожалуйста, в буфет.

— Одну чашечку кофе всего.

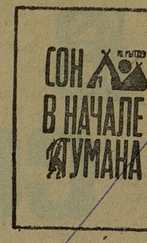
А потом в зале сидит в сторонке, прямая и строгая, как классная дама, и делает круглые глаза, когда не выдерживишь и закуришь. Но на третьем часу занятий не выдерживает и она.

Нет, что там ни говори, но даже сейчас вот, в теплую пору, растянувшись на траве и глядя в голубое небо, я с удовольствием думаю о том дождливом осеннем вечере, когда ровно в семь Данин поднимется с председательского места и скажет:

— Э-э-э, сегодня мы с вами, э-э-э, познакомимся...

На соискание Государственных премий СССР

ЧУКОТКА БЕЗ ЭКЗОТИКИ



НА БЕРЕГУ студеного моря стоит голубоглазый человек и перебирает в памяти события своей жизни.

Здесь взрывом ему изуродовало руки, и его, раненого, предали соответственники. Отсюда в недобрый час пошел он на охоту и, спасая друга чукчу, протянул ему ствол ружья, которое выстрелило... Подчиняясь древним законам людей Севера, взял в жены вдову погибшего и неожиданно для себя полюбил ее... Здесь же навечно распрощался с матерью, звавшей в родной городок на берегу Охотарно.

Все, что было в жизни до этого берега, ушло и забылось, как сон в начале тумана...

Вернувшись в ярангу, человек прикрепил карандаш к держалке, заменяющей пальцы, и решительно написал:

«Ленину, Петроград.
Российская Советская Республика.
В связи с избранием меня, Джона Макгилла Макленнана, председателем Совета селения Энмын прошу меня принять в советское подданство, так как формально в настоящее время я являюсь подданным Его Величества Короля Великобритании Эдуарда VII.
Джон Макленнан, Энмын, Чукотка, 14 августа 1923 года».

Этими словами заканчивается роман чукотского писателя Юрия Рытхэу «Иней на пороге», составляющий с вышедшим ранее романом «Сон в начале тумана» дилогию. 13 лет жизни не столько «подданного его величества короля английского Эдуарда VII», сколько историю жизни чукотского народа в канун его вступления на путь социализма определяют содержание этих произведений.

Символично, что оба романа, созданные писателем, — чей народ до Октября не имел ни своей литературы, ни своей письменности, — выдвинуты на соискание Государственной премии именно в год великого праздника нашего многонационального народа — 50-летия образования СССР. Оба романа написаны автором на русском языке — языке межнационального общения и дружбы советских народов.

Краткая литературная энциклопедия сообщает нам главные особенности творческого почерка Юрия Рытхэу:

«Колоритен, во всем разнообразии жизненных подробностей, часто с доброй юмористич. интонацией Р. показывает естественность перехода ранее первобытных чукчей к новому социальному укладу жизни, к совр. культуре... Его соч. переведены на мн. иностр. языки и, по свидетельству зауб. прессы, служат блестящим доказательством «фантастического» культурного роста малых северных народов».

Советская критика не обходит вниманием творчество Юрия Рытхэу. Начиная с первых публикаций («Люди нашего берега», «Чукотская сага»), его проза — трилогия «Время тяжких снегов», романы «В долине Маленьких Зайчиков», «Айвангу», «Самые красивые корабли», повесть «Вэкэт и Агнес» — анализируется профессионально, без обидного снисхождения, не как проза первопроходца чукотской советской литературы, а по общесоюзным меркам.

Основные замечания критики сводятся к двум пожеланиям: хорошо, если бы Юрий Рытхэу расширил «географию» своих произведений, а главное—перестал бы возвращаться к изначальному периоду истории своего народа. Разве не все сказано им о трудном прошлом родной Чукотки, шагнувшей из первобытно-общинного строя в зрелый социализм?

Не все.

«Обыкновенное чудо» перехода с берега страха на берег надежды было естественным, но никогда не было легким.

За последние 106 лет царствования дома Романовых окраину России — Чукотку 99 раз посетил царь-голод, раза без разбора и бедняка чукчу, и бедняка русского.

За пятьдесят лет нового, социалистического уклада жизни невеликий числом чукотский народ, поддержанный народами России и Украины, всех республик СССР, прославился в науке и культуре, стал добытчиком золота, гидростроителем и авиатором, выходит на охоту в тундру и в море, оснащенный первоклассными вооружением и судами.

Сегодня не только деревянные дома сменяют дымные, тесные яранги — в индустриальном Анадыре поднимаются этажи экспериментальных зданий из алюминия.

— За фантастичностью этих свершений,—говорит автор романа «Иней на пороге»,—и великий труд, и муки сомнений, и бескорыстие русских большевиков, пришедших на Чукотку учить детей и защищать охотников от корысти заморских купцов и туристов; печь хлеб и лечить трахому — словом, приобщать трудящихся к культурному развитию, без которого, как говорил Ленин, невозможна победа социалистической идеологии.

При всей остроте фабулы романа «Сон в начале тумана», драматичности и парадоксальности судеб героев романа «Иней на пороге», а может быть, именно благодаря им, из-под первого фабульного слоя проступает незамеченный критиками второй — полемический, а за ним и третий — философский. И тогда становится понятно, зачем романист прибегает к парадоксам: они нужны для привлечения внимания *к идеям*, волновавшим людей и вчера, волнующим и сегодня.

В одном из своих первых рассказов «Соседи на десять суток» Юрий Рытхэу с обнаженным умыслом, идущим даже наперерез тонкой нити художественности, сводит в одно купе поезда Москва—Владивосток студента чукчу и бельгийского профессора-филолога, которому одинаково трудно понять, и как смогли народы Крайнего Севера шагнуть из темноты дикой жизни — к социализму, и почему студент не разделяет его, профессора, сожалений, что уходит в былое романтика старых яранг и деревянных идолов, заклинаний шаманов и старинных обычаев...

— Есть два вида буржуазного национализма, — резко выговаривает почтенному профессору студент, — два вида национального высокомерия. Первый — это презрение к другим народам, людям других рас. Это более или менее открытое, сознательное высокомерие... Но есть и другой вид, подчас неосознанный, Человек считает себя другом всех народов, а любуется не тем, чем сильны малые народы, а тем, чем они слабы...

Романами «Сон в начале тумана» и «Иней на пороге» писатель дает бой национализму всех видов и оттенков. Не надо благодушествовать: у сегодня «национальный вопрос является одним из острых участков борьбы между социализмом и капитализмом, марксизма-ленинизма против буржуазной и ревизионистской идеологии,—говорится в Постановлении ЦК КПСС о подготовке к 50-летию образования СССР. — Необходимо решительно разоблачать идеологов антикоммунизма, правого и «левого» ревизионизма, национализма и шовинизма».

Восставая против ложной романтики в показе жизни народов Крайнего Севера, Юрий Рытхэу, работая над романами «Сон в начале тумана» и «Иней на пороге», писал в 1969 году в «Правде»:

«Говорят, что есть своя романтика в ярангах, стоящих на берегу Ледовитого океана, в мчащейся собачьей упряжке, в пламени мха, смоченного тюленьим жиром... Но вот что удивительно: об этой «романтике» говорят те, для которых жизнь в яранге, поездка на собаках, созерцание пламени жирника — эпизод в жизни, кратковременное приключение.

Мои же земляки, которые прожили, быть может, тысячелетия в яранге, проехали из конца в конец тундру на собаках и оленях, испортили глаза в неверном свете коптящего пламени, предпочитают иную романтику, романтику жизни в удобном современном доме на берегу того же Ледовитого океана, покорения пространства самыми современными видами транспорта, в строительстве атомной электростанции в Билибино — в сердце чукотской тундры».

Так Рытхэу-публицист прокладывал след Рытхэу-романисту.

В экзотике трудовых будней (добыча нерпы Джоном Макленнаном и русским учителем-коммунистом Антоном Кравченко, охота всех жителей Энмына за китом), в страстных спорах, нужна ли чукчам грамота и цивилизация, в драматических эпизодах перестрелки с бандой колчаковцев, аресте Джона Макленнана, самоубийства богатого оленевода Армагиргина, — всюду проступает позиция автора — противника и национализма, и шовинизма. Нет, Рытхэу не идеализирует горькое прошлое своего народа, ему чужда «ностальгия» и плач по старине, он не коллекционирует и уж тем более не пропагандирует своим творчеством возврат к гарпуну с костяным наконечником и чадящему жирнику, при которых якобы только и возможно сохранить духовность и самобытность народа, уберечь его от убивающих «душу живу» индустриальной нови городов, заводов, электростанций...

Вот для чего понадобился автору на первый взгляд экзотичный канадец Джон Макленнан. Люди цивилизации предали и бросили его. «Дикие» чукчи Токо и Орво, шаманка Кэлена и любящая жена Пыльмау вернули ему смысл и радость жизни. И вот, в свою очередь, благодарный Джон предостерегает своих спасителей:

«Ваш образ жизни не требует ни гаммоты, ни книг... Может быть, это и есть самая лучшая и правильная жизнь».

Спасающий прежде всего себя от язв капитализма, Джон, бежав от одной лжи, создает другую: все зло жизни он видит не в социальных условиях, а в приходе цивилизации. Грамота, знания, машины — вот что, по убеждению Джона, губит и развращает людей там, куда он отказался возвратиться.

Подобно Цицерону, он готов воскликнуть: что может выйти порядочного из мелочной лавки?! Из Америки, этой огромной мелочной лавки, где все продается и покупается, наезжают сюда, на Чукотку, праздные туристы, готовые растащить даже вещи, положенные по обычаю вместе с умершими на Холмах Захоронения; наведываются купцы типа Карпентера, с приветливой улыбкой обирающего простодушных и доверчивых охотников!

Понадобились время, факты и весь пафос убеждения коммунистов Кравченко, Тэрынкеу, Бычкова, чтобы Джон совершил самое трудное: отказался от своих убеждений, потому что они ложны.

И еще одно, главное признание сделал Джон:

«...революция... От нее не уйдешь, не спрячешься даже в самой глухой тундре. Она найдет тебя, затронет твою судьбу, переделает твою жизнь. И это не оттого ли, что она производит множество маленьких революций в душах людей?..»

Сегодня полувековая история маленького чукотского народа, одаренного великими немилостями полярных широт, может служить прототипом истории всех народов земли.

Своими романами Юрий Рытхэу говорит о неизбежном приходе цивилизации и о несостоятельности попыток спастись от сатанизма капиталистического общества бегством в «прошлое человечества».

Судьба Макленнана убеждает нас: от прогресса бегут чаще всего неудачники; народ, как бы трудно ему ни жилось, не может быть неудачником; нормальные люди не рождаются с глазами на затылке и ступнями, повернутыми к спине. Человечество, тысячами нитей связанное с прошлым, идет только вперед, в неизведанное.

Тамара РЕЗВОВА

Юрий Рытхэу. «Сон в начале тумана». Роман. Издательство «Советская Россия». 1970. 282 стр. 68 коп: «Иней на пороге». Роман. Издательство «Советская Россия». 1971. 270 стр. 67 коп.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕГЕНДА

«КАЖДОМУ дорога земля, где он родился, вырос. И я люблю землю своих предков — Чувашию, звонкие ручьи, что вливаются в Волгу, ее луга, изрезанные оврагами. Люблю холмы, на которых растут одинокие дубы: в народе их называют юманатте — дуб-батюшка, и пахучие липы, сьана-савин — липа любимая.

Все это вечно, как сама жизнь. Многое повидали они, и будь у них язык — сколько бы могли рассказать.

Но деревья молчат. И трава безгласна. О чем она шепчется на ветру — кто знает? Земля умеет хранить свои тайны. Зато раскрывают их неумирающий язык народа. Из поколения в поколение, как величайшую драгоценность, люди проносят легенды, сказания, песни. В них сама история, сама жизнь и судьба народная».

Так говорит Михаил Юхма о своей земле, о своем отношении к устному народному творчеству в книге «Цветы Эльби». Он ненавязчиво приглашает читателя войти в мир легенд, сказаний его народа. Это верно взятый в самом начале книжки тон помогает читателю вместе с автором окунуться в романтическую историю героев легенд, сопереживать с ними трагические перипетии персонажей, радоваться победам народных баторов, понять богатый духовный мир народа, его чаяния. Перед нами проходит галерея образов (они земные и реалистичны своими поступками). Это мать, жертвующая сыном для спасения Родины, девушка Эльби, которая песнями воодушевляла на подвиг чувашских воинов, деревенский самоучка, олицетворяющий мятущуюся в поиске душу человеческую, бунтарь, рискующий жизнью ради правды.

Чувашский писатель Михаил Юхма не новичок в литературе. Его книги издавались в «Советском писателе», издательстве «Детская литература». Начинал он свой творческий путь как поэт — собиратель народных легенд, сказаний, песен. Записывая их, молодой литератор обошел самые отдаленные уголки республики. Профессор, доктор педагогических наук Г. Волков, автор предисловия к книге, называет Михаила Юхму лучшим знатоком чувашского фольклора.

Для писателей молодых национальных литератур вообще характерно широкое использование местного фольклора. Богатство красок, острота сюжетных коллизий, мир больших чувств, характерных для устного народного творчества, являются той важной основой, которая впоследствии позволяет писателю высокохудожественно, поэтично изображать нашу действительность.

Новая книга Михаила Юхмы — своеобразная панорама культуры древнего чувашского народа.

Необходимо отметить, что все легенды воспринимаются как события взаимосвязанные, последовательно дополняющие друг друга. Такой целостности книга обязана образу рассказчика, старому табунщику деду Ендимеру-мучи.

Образ старого табунщика придает повествованию особую прелесть, подчеркивает вечную жизнь легенд, романтичных и тем не менее звучащих очень современно, особенно когда речь идет о человеческих взаимоотношениях, о борьбе добра и зла, правды и лжи. Сказитель знает цену слова, проницателен, где-то он философ, прекрасно разбирается в событиях и явлениях, которые происходят в наше бурное время. И сам автор, обращаясь к героике былин, ярко воспроизводя быт, нравы, обычаи своего народа, раскрывая духовное богатство его, одновременно показывает нам сегодняшний день Чувашии и достигает при этом большой художественной выразительности. В этом одно из главных достоинств книги.

Михаил Юхма. «Цветы Эльби». Авторизованный перевод с чувашского А. Буртынского. Издательство «Советская Россия». 1971. 176 стр. 42 коп.

Хорош перевод А. Буртынского. Здесь, видимо, перед нами случай глубокого родства душ автора и переводчика.

Ямиль МУСТАФИН